

Составитель Владимир Токарев

Незнакомые знакомые сказки

Художник

Коллектив авторов

**Незнакомые знакомые
сказки. Художник**

«Издательские решения»

Коллектив авторов

Незнакомые знакомые сказки. Художник

 / Коллектив
авторов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745988-8

В сборник вошли, с одной стороны, знакомые сказки: «Царевна-лягушка», «Спящая красавица» и др. Однако они представлены в ранних редакциях А. Н. Афанасьева и неизвестных переводчиков. Старые редакции сказок могут быть подчас интереснее поздних литературных обработок. Представлена новая литературная обработка сказки «Хрустальная гора». Планируется и продолжение этой серии незнакомых знакомых сказок.

ISBN 978-5-44-745988-8

© Коллектив авторов
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Морозко. Русская народная сказка ¹	7
Царевна-лягушка ³	10
Емеля-дурак ⁶	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Незнакомые знакомые сказки

Художник

Составитель Владимир Токарев

ISBN 978-5-4474-5988-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга, иллюстрированная вашим ребёнком

Это необычная книга со сказками. Вернее необычный художник у этой книги – ваш ребенок. Как жаль, что многие рисунки маленьких детей родители не могут сохранить (листочки теряются). А как интересно самому, будучи взрослым, посмотреть на свои детские рисунки. Потому-то в этой книге оставлено много пустых мест – чтобы ваш ребенок мог сам нарисовать иллюстрации по всем сказкам. Книжку закажите обязательно бумажную. Не забывайте указывать дату рисунка. Напомню, что у художников принято свою подпись ставить прямо на картинах.

Вступление

В сборник сказок вошли, с одной стороны, всем знакомые сказки: Царевна лягушка, Морозко, Спящая красавица и др. Однако широкому кругу читателей эти сказки больше известны в других редакциях (А. Толстого, Булатова, переводе Т. Граббе).

Здесь же известные сказки представлены в более ранних редакциях: А. Н. Афанасьева, неизвестного переводчика позапрошлого века и др.

Поэтому я назвал сборник сказок – «Незнакомые знакомые сказки». Я сам сильно удивился, когда увидел, что другие редакции сказок могут быть подчас интереснее поздних литературных обработок.

А поскольку у А. Н. Афанасьева многие сказки представлены в нескольких вариантах (их и использовали авторы для своих литературных обработок), я решил в некоторой степени восстановить историческую справедливость и «вернуть» сказки Афанасьева маленькому читателю, что называется, в полном объеме – для чего выполнил несложную компиляцию сказок из нескольких вариантов.

При этом рискнул литературно обработать только одну сказку А. Н. Афанасьева, максимально сохранив текст оригинала, с которой я не был знаком в детстве – «Хрустальная гора». Что получилось – судить моему маленькому читателю.

Мне эта сказка показалась очень короткой – ребенок не успеет заснуть, пока читаете ему эту короткую сказку. Вот я ее немного и удлинил.

Вот история этой переделанной немного сказки – как-то я рассказал эту сказку одному из моих внуков (мальчишки Денис и Максим – двойняшки, им сейчас по 4 с половиной года) по телефону. Я сказал – сказка длинная. Он послушал внимательно, но заметил – «Нет, сказка не длинная». Вот я и решил, по этой причине в частности, удлинить приключения героев, пользуясь идеями из сборника А. Н. Афанасьева. Где было возможно я специально текст сказки не менял. А дети, известное дело, – «*Прочитай длинную сказку, почитай сказку до конца*». Родители соглашались. И потому длинные длинные сказки детям позволяют дольше не спать (нам бы их заботы!). Для них (а не для родителей) я и старался – для слушателей сказок, ну и для тех маленьких читателей, кто уже умеет читать сам.

Морозко. Русская народная сказка¹

У мачехи была падчерица Марфуша да родная дочка; родная что ни сделает, за все ее гладят по головке да приговаривают: «Умница!» А падчерица как ни угождает – ничем не угодит, все не так, все худо; а надо правду сказать, девочка была золото, в хороших руках она бы как сыр в масле купалась, а у мачехи каждый день слезами умывалась: почасти ее журила, рано будила и всю работу на нее свалила. Девушка скотину поила-кормила, дрова и водицу в избу носила, печку топила, обряды² творила, избу мела и все убирала еще до свету; но старуха и тут была недовольна и на Марфушу ворчала: «Экая ленивица, экая неряха! И голик-то не у места, и не так-то стоит, и сорно-то в избе».

Что делать? Ветер хоть пошумит да затихнет, а старая баба расходится – не скоро уймется, все будет придумывать да зубы чесать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать: «Вези, вези, старик, ее куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали, чтобы мои уши об ней не слышали; да не вози к родным в теплую хату, а во чисто поле на трескун-мороз!»

Старик затужил, заплакал; однако посадил дочку на сани, хотел прикрыть попонкой – и то побоялся;

повез бездомную во чисто поле, свалил на сугроб, перекрестил, а сам поскорее домой, чтоб глаза не видали дочерниной смерти.

Девушка сидит да дрожит; озноб ее пробрал. Хотела она выть, да сил на было: одни зубы только постукивают.

Вдруг слышит: невдалеке Морозко на елке потрескивает, с елки на елку поскакивает да пощелкивает.

Очутился он и на той сосне, под коей девица сидит, и сверху ей говорит: «Тепло ли те, девица?» – «Тепло, тепло, батюшко-Морозушко!»

Морозко стал ниже спускаться, больше потрескивать и пощелкивать. Мороз спросил девицу: «Тепло ли те, девица? Тепло ли те, красная?» Девица чуть дух переводит, но еще говорит: «Тепло, Морозушко! Тепло, батюшко!» Мороз пуще затрещал и сильнее защелкал и девице сказал: «Тепло ли те, девица? Тепло ли те, красная? Тепло ли те, лапушка?»

Девица окостеневала и чуть слышно сказала: «Ой, тепло, голубчик Морозушко!» Тут Морозко сжалился, окутал девицу шубами и отогрел одеялами.

Оделась она в шубу, подожмала ножки, сидит. Опять пришел Мороз красный нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает: «Девушка, девушка, я Мороз красный нос!» – «Добро пожаловать, Мороз; знать, бог тебя принес по мою душу грешную». Мороз пришел совсем не по душу, он принес красной девушке сундук высокий да тяжелый, полный всякого приданого. Уселась она в шубочке на сундучке, такая веселенькая, такая хорошенькая!

Она его приветила, а он ей подарил платье, шитое и серебром и золотом. Наденет станет какая красавица, какая нарядница! Сидит и песенки попевает.

А мачеха по ней поминки справляет; напекла блинов. «Ступай, муж, вези хоронить свою дочь».

Старик запряг лошадь и поехал. Подъехавши к дочери, он нашел ее живую, на ней шубу хорошую, фату дорогую и короб с богатыми подарками. Не говоря ни слова, старик сложил все на воз, сел с дочерью и поехал домой.

Старик едет с дочерью домой. А собачка под столом: «Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!»

¹ Компиляция по вариантам народной сказки в редакции А. Н. Афанасьева

² Уборы, женские платья.

– «Молчи, дура! На блин, скажи: старухину дочь женихи возьмут, а стариковой одни косточки привезут!» Собачка съела блин да опять: «Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!» Старуха и блины давала и била ее, а собачка все свое: «Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не возьмут!»

Скрипнули ворота, растворились двери, несут сундук высокий, тяжелый, идет падчерица – панья паньей сияет! Мачеха глянула – и руки врозь!

Морозко. Автор иллюстрации _____

«Старик, старик, запрягай других лошадей, вези мою дочь поскорей! Посади на то же поле, на то же место».

Повез старик родную дочь старухи на то же поле, посадил на то же место.

Девушка была в шубняке, а тут ей стало зябко. Морозко у девушки руки ознобил.

– Что долго нейдет? Я вся посинела!

Вот вдалеке Морозко начал потрескивать и с елки на елку поскакивать да пощелкивать. Девушке послышалось, что кто-то едет. И начала пальцы отдувать. Морозко все ближе да ближе; наконец очутился на сосне, над девицей. Он девице говорит: «Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли, моя голубушка?» – «Ой, Морозко, больно студёно! Я замерзла». Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать и чаще пощелкивать. «Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?» – «Поди ты к черту! Разве слеп, вишь, у меня руки и ноги отмерзли». Морозко еще ниже спустился, сильно приударил и сказал: «Тепло ли тебе, девица?» – «Убирайся ко всем чертям в омут, сгинь, окаянный!» – и девушка окостенела.

«Старик, ступай, мою дочь привези, лихих коней запряги, да саней не повали, да сундук не оброни!»

А собачка под столом: «Тяв, тяв! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной в мешке косточки везут!» – «Не ври! На пирог, скажи: старухину в злате, в серебре везут!»

Растворились ворота, старуха выбежала встретить дочь, да вместо ее обняла холодное тело. Заплакала, заголосила, да поздно!

Царевна-лягушка³ Русская народная сказка

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь с царицею; у него было три сына – все молодые, холостые, удалыцы такие, что ни в сказке сказать, ни пером написать; младшего звали Иван-царевич.

Говорит им царь таково слово:

«Дети мои милые, возьмите себе по стрелке, натяните тугие луки и пустите в разные стороны; на чей двор стрела упадет, там и сватайтесь».

Пустил стрелу старший брат – упала она на боярский двор, прямо против девичья терема; пустил средний брат – полетела стрела к купцу на двор и остановилась у красного крыльца, а на том крыльце стояла душа-девица, дочь купеческая;

пустил младший брат – попала стрела в грязное болото, и подхватила ее лягуша-квакуша.

Вот они пришли к отцу и сказали, кто куда попал.

Говорит Иван-царевич: «Как мне за себя квакушу взять? Квакуша не ровня мне!» – «Бери! – отвечает ему царь. – Знать, судьба твоя такова».

Вот поженились царевичи: старший на боярышне, средний на купеческой дочери, а Иван-царевич на лягуше-квакуше.

Призывает их царь и приказывает: «Чтобы жены ваши испекли мне к завтраму по мягкому белому хлебу». Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил. «Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? – спрашивает его лягуша. – Аль услышал от отца своего слово неприятное?»

– «Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе к завтраму изготovit мягкий белый хлеб». – «Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать; утро вечера мудренее!»

Уложила царевича спать да сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась душой-девицей, Василисой Премудрою; вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом: «Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь, приготовьте мягкий белый хлеб, каков ела я, кушала у родного моего батюшки».

Наутро проснулся Иван-царевич, у квакуши хлеб давно готов – и такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать!

Иван-царевич взял хлеб и понес к отцу. Отец в то время принимал хлебы от больших братьев; их жены так попускали в печь хлебы, что у них и вышли кули-мули.

Царь наперво принял хлеб от большого сына, посмотрел и отослал на кухню; от среднего принял, туда же послал.

Дошла очередь до Ивана-царевича; он подал свой хлеб.

Изукрашен хлеб разными хитростями, по бокам видны города царские и с заставами.

Отец принял, посмотрел и говорит: «Вот это хлеб – во Христов день есть! Не такой, как у больших снох, с закалой⁴!»

Благодарствовал царь на том хлебе Ивану-царевичу и тут же отдал приказ трем своим сыновьям: «Чтобы жены ваши соткали мне за единую ночь по ковру». Воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил. «Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручи-

³ Моя компиляция с малыми исправлениями по вариантам сказки в редакции А. Н. Афанасьева

⁴ Сырое, непропеченное место в хлебе.

нен стал? Аль услышал от отца своего слово жесткое, неприятное?» – «Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал за единую ночь соткать ему шелковый ковер». – «Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать; утро вечера мудренее!» Уложила его спать, а сама сбросила лягушечью кожу – и обернулась душой-девицей, Василисою Премудрою; вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом:

«Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь шелковый ковер ткать – чтоб таков был, на каком я сиживала у родного моего батюшки!»

Как сказано, так и сделано. Наутро проснулся Иван-царевич, у квакушки ковер давно готов – и такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать. Изукрашен ковер златом-серебром, хитрыми узорами. Благодарствовал царь на том ковре Ивану-царевичу.

Середний брат принес ковер; царь сказал: «Только в баню его вешать!» А у большого брата взял ковер и сказал: «В черной избе его перед порогом стелить!»

и тут же отдал новый приказ, чтобы все три царевича явились к нему на смотр вместе с женами. Опять воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

«Ква-ква, Иван царевич! Почто кручинишься? Али от отца услышал слово неприветливое?»

– «Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка велел, чтобы я с тобой на смотр приходил; как я тебя в люди покажу!» – «Не тужи, царевич! Ступай один к царю в гости, а я вслед за тобой буду, как услышишь стук да гром – скажи: это моя лягушонка в коробчонке едет».

Вот старшие братья явились на смотр с своими женами, разодетыми, разубранными; стоят да с Ивана-царевича смеются: «Что ж ты, брат, без жены пришел? Хоть бы в платочке принес!

И где ты этакую красавицу выискал? Чай, все болота исходил?»

Царевна-лягушка. Иллюстрация _____

Вдруг поднялся великий стук да гром – весь дворец затрясся; гости крепко напугались, повскакивали с своих мест и не знают, что им делать; а Иван-царевич говорит: «Не бойтесь, господа! Это моя лягушонка в коробчонке приехала».

Подлетела к царскому крыльцу золоченая коляска, в шесть лошадей запряжена, и вышла оттуда Василиса Премудрая – такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Взяла Ивана-царевича за руку и повела за столы дубовые, за скатерти браные⁵.

Стали гости есть-пить, веселиться; Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила; закусил лебедем да косточки за правый рукав спрятала.

Жены старших царевичей увидели ее хитрости, давай и себе то ж делать.

После, как пошла Василиса Премудрая танцевать с Иваном-царевичем, махнула левой рукой – сделалось озеро, махнула правой – и поплыли по воде белые лебеди; царь и гости диву дались.

А старшие невестки пошли танцевать, махнули левыми руками – забрызгали всех гостей, махнули правыми – кость царю прямо в глаз попала! Царь рассердился и прогнал их нечестно.

Тем временем Иван-царевич улучил минуточку, побежал домой, нашел лягушечью кожу и спалил ее на большом огне. Приезжает Василиса Премудрая, хватилась – нет лягушечьей кожи, приуныла, запечалилась и говорит царевичу: «Ох, Иван-царевич! Что же ты

⁵ Узорчатые.

наделал? Если б немножко ты подождал, я бы вечно была твоею; а теперь прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве – у Кощея Бессмертного». Обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Иван-царевич горько заплакал, помолился богу на все на четыре стороны и пошел куда глаза глядят. Шел он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли – попадаетеся ему навстречу старый старичок: «Здравствуй, – говорит, – добрый молодец! Чего ищешь, куда путь держишь?» Царевич рассказал ему свое несчастье.

«Эх, Иван-царевич! Зачем ты лягушью кожу спалил? Не ты ее надел, не тебе и снимать было! Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась; он за то осерчал на нее и велел ей три года квакушею быть. Вот тебе клубок; куда он покатится – ступай за ним смело».

Иван-царевич поблагодарствовал старику и пошел за клубочком. Идет чистым полем, попадаетеся ему медведь. «Дай, – говорит, – убью зверя!» А медведь провещал ему: «Не бей меня, Иван-царевич! Когда-нибудь пригожусь тебе».

Идет он дальше, глядь, – а над ним летит селезень; царевич прицелился из ружья, хотел было застрелить птицу, как вдруг провещала она человеческим голосом: «Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сама пригожусь». Он пожалел и пошел дальше.

Бежит косою заяц; царевич опять за ружье, стал целиться, а заяц провещал ему человеческим голосом: «Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сам пригожусь». Иван-царевич пожалел и пошел дальше – к синему морю, видит – на песке лежит, издыхает щука-рыба. «Ах, Иван-царевич, – провещала щука, – сжался надо мною,пусти меня в море. Я тебе сама пригожусь». Он бросил ее в море и пошел берегом.

Долго ли, коротко ли – прикатился клубочек к избушке; стоит избушка на куриных лапках, кругом поворачивается. Говорит Иван-царевич: «Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, – к лесу задом, а ко мне передом». Избушка перевернулась.

Вошел в избу; сидит старуха и говорит: «Гой еси, добрый молодец! Зачем ко мне пожаловал?»

– «Прежде, старуха, напой накорми, потом вести расспроси».

Баба-яга накормила его, напоила, в бане выпарила; а царевич рассказал ей, что ищет свою жену Василису Премудрую.

«А, знаю! – сказала баба-яга. – Она теперь у Кощея Бессмертного; трудно ее достать, нелегко с Кощеем сладить: смерть его на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей как свой глаз бережет».

Указала яга, в каком месте растет этот дуб с огромными корнями;

Иван-царевич пришел туда и не знает, что ему делать, как сундук достать? Вдруг откуда не взялся – прибежал медведь и выворотил дерево с корнем; сундук упал и разбился вдребезги, выбежал из сундука заяц и во всю прыть наутек пустился; глядь – а за ним уж другой заяц гонится, нагнал, ухватил и в клочки разорвал.

Вылетела из зайца утка и поднялась высоко-высоко; летит, а за ней селезень бросился, как ударит ее – утка тотчас яйцо выронила, и упало то яйцо в море.

Иван-царевич, видя беду неминуемую, залился слезами; вдруг подплывает к берегу щука и держит в зубах яйцо; он взял то яйцо, разбил, достал иглу и отломил кончик: сколько ни бился Кощей, сколько ни метался во все стороны, а пришлось ему помереть!

Иван-царевич пошел в дом Кощея, взял Василису Премудрую и воротился домой. После того они жили вместе и долго и счастливо.

Емеля-дурак⁶

Русская народная сказка

В некоторой было деревне: жил мужик, и у него было три сына, два было умных, а третий дурак, которого звали Емельяном.

И как жил их отец долгое время, то и пришел в глубокую старость, призвал к себе сыновьев и говорил им: «Любезные дети! Я чувствую, что вам со мною недолго жить; оставляю вам дом и скотину, которые вы разделите на части ровно; также оставляю вам денег на каждого по сту рублей». После того вскоре отец их умер, и дети, похороня его честно, жили благополучно. Потом вздумали Емельяновы братья ехать в город торговать на те триста рублей, которые им отказаны были их отцом, и говорили они дураку Емельяну: «Послушай, дурак, мы поедem в город, возьмем с собой и твои сто рублей, а когда выторгуем, то барыш пополам, и купим тебе красный кафтан, красную шапку и красные сапоги. А ты останься дома; ежели что тебя заставят сделать наши жены, а твои невестки (ибо они были женаты), то ты сделай». Дурак, желая получить обещанные красный кафтан, красную шапку и красные сапоги, отвечал братьям, что он будет делать все, что его заставят.

Они отдали дураку приказание, а сами поехали в нижние города; а дурак лег на печь и лежит и ничего не делает.

После того братья его поехали в город, а дурак остался дома и жил с своими невестками.

Потом спустя несколько времени в один день, когда было зимнее время и был жестокий мороз, тогда говорили ему невестки, чтоб он сходил за водою. Но дурак, лежа на печи, сказал: «Да, а вы-то что?»

Невестки закричали на него: «Как, дурак, мы-то что? Ведь ты видишь, какой мороз, что и мужчине в пору идти!» Но он говорил: «Я ленюсь!»

Невестки опять на него закричали: «Как, ты ленишься? Ведь ты захочешь же есть, а когда не будет воды, то сварить ничего нельзя». Притом сказали: «Добро ж, мы скажем своим мужьям, когда они приедут, что хотя и купят они красный кафтан и все, но чтоб тебе ничего не давали», – что слыша дурак и желая получить красный кафтан и шапку принужден был идти, слез с печи и начал обуваться и одеваться. И как совсем оделся, взял с собою ведра и топор, пошел на реку, ибо их деревня была подле самой реки, и как пришел на реку, то и начал прорубать прорубь, и прорубил чрезвычайно большую.

Потом почерпнул в ведра воды и поставил их на льду, а сам стоял подле проруби и смотрел в воду.

В то самое время увидел дурак, что плавала в той проруби пребольшая щука; а Емеля, сколько ни был глуп, однако ж пожелал ту щуку поймать, и для того стал он понемножку подходить; подошел к ней близко, ухватил, вдруг ее рукою, вытащил из воды и, положив за пазуху, хотел идти домой.

Но щука говорила ему: «Что ты, дурак! На что ты меня поймал?» – «Как на что? – говорил он. – Я тебя отнесу домой и велю невесткам сварить».

⁶ Моя компиляция с малыми исправлениями по вариантам сказки в редакции А. Н. Афанасьева

– «Нет, дурак, не носи ты меня домой; отпусти ты меня опять в воду; я тебя за то сделаю человеком богатым». Но дурак ей не верил и говорит: «Слава богу! Теперь я наварю хоть ухи из этой щуки, сам наемся, а невесткам не дам; я на них сердит!»

Щука, видя, что Емеля ее не отпускает, говорила: «Слушай, Емеля,пусти ж ты меня в воду; я тебе сделаю то: чего ты ни пожелаешь, то все по твоему желанию исполнится».

Дурак, слыша сие, весьма обрадовался, ибо он был чрезвычайно ленив, и думал сам себе: «Когда щука сделает так, что чего я ни пожелаю – все будет готово, то я уже работать ничего не буду!»

Говорил он щуке: «Я тебя отпущу, только ты сделай то, что обещаешь!» – на что отвечала щука: «Ты преждепусти меня в воду, а я обещание свое исполню». Но Емеля говорил ей, чтоб она прежде свое обещание исполнила, а потом он ее отпустит.

Щука, видя, что он не хочет ее пускать в воду, говорила: «Ежели ты желаешь, чтоб я тебе сказала, как сделать, чего ни пожелаешь, то надобно, чтобы ты теперь же сказал, чего хочешь».

Дурак говорил ей: «Я хочу, чтоб мои ведра с водою сами пошли на гору (ибо деревня та была на горе) и чтоб вода не расплескалась».

Щука тотчас ему говорила: «Ничего, не расплещется! Только помни слова, которые я стану сказывать; вот в чем те слова состоят: «по щучьему веленью, а по моему прошенью ступайте, ведра, сами на гору!»

Емеля после ее говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ступайте, ведра, сами на гору!» – и тотчас ведра и с коромыслом пошли сами на гору. Емеля, видя сие, весьма удивился; потом говорил щуке: «Все ли так будет?» На что щука отвечала, что «все то будет, чего только пожелаешь; не забудь только те слова, которые я тебе сказывала». После того пустил он щуку в воду, а сам пошел за ведрами.

Соседи его, видя то, удивлялись и говорили меж собою: «Что это дурак делает? Ведра с водою идут сами, а он идет за ними».

Но Емеля, не говоря ничего с ними, пришел домой; ведра взошли в избу и стали на лавку, а дурак влез на печь.

Потом спустя несколько времени говорили ему опять невестки: «Емеля, что ты лежишь? Ты бы пошел дров нарубил».

Но дурак говорил: «Да, а вы-то что?»

– «Как мы что? – вскричали на него невестки. – Ведь теперь зима, и ежели ты не пойдешь рубить дров, так тебе ж будет холодно». – «Я лениюсь!» – говорил дурак.

«Как ленишься? – говорили ему невестки. – Ведь ты же озябнешь». Притом они говорили: «Ежели ты не пойдешь рубить дров, так мы скажем своим мужьям, чтоб они тебе не давали ни красного кафтана, ни красной шапки, ни красных сапогов».

Дурак, желая получить красный кафтан, шапку и сапоги, принужден был нарубить дров; но как он был чрезвычайно ленив и не хотелось ему слезть с печи, то говорил потихоньку, на печи лежа, сии слова: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-ка, топор, поди наруби дров, а вы, дрова, сами в избу идите и в печь кладитесь».

Емеля-дурак. Иллюстрация _____

Топор откуда ни взялся – выскочил на двор и начал рубить; а дрова сами в избу шли и в печь клались, что видя, его невестки весьма удивились Емельяновой хитрости.

И так каждый день, когда только дураку велят нарубить дров, то топор и нарубит.

И жил он с невестками несколько времени, потом невестки говорили ему: «Емеля, таперича нету дров у нас; съезди в лес и наруби». Дурак им говорил: «Да, а вы-то что?»

– «Как мы что? – отвечали невестки. – Ведь лес далече, и теперь зима, «Я ленюсь!» – «Как, ленишься? – говорили ему невестки. – Ведь тебе же будет холодно; а ежели ты не пойдешь, то когда приедут твои братья, а наши мужья, то мы не велим им ничего тебе давать: ни кафтана красного, ни шапки красной, ни сапог красных».

Емеля, желая получить красный кафтан, красную шапку и красные сапоги, принужден был ехать в лес за дровами и, встав, слез с печи и начал скорее обуваться и одеваться. И как совсем оделся, то вышел на двор и вытащил из-под навесу сани, взял с собою веревку, топор, сел в сани и говорил своим невесткам отворить ворота. Невестки, видя, что он едет в санях, да без лошади, ибо дурак лошади не запрягал, говорили ему: «Что ты, Емеля, сел в сани, а лошадь не запряг?» Но он говорил, что лошади ему не надо, а только чтоб отворили ему ворота. Невестки отворили ворота, а дурак, сидя в санях, говорил:

«По ищъему веленью, а по моему прошенью ну-тка, сани, ступайте в лес!» После сих слов сани тотчас поехали со двора, что видя, живущие в той деревне мужики удивлялись, что Емеля ехал в санях и без лошади, и так шибко: хотя бы пара лошадей была запряжена, то нельзя бы шибче ехать!

И как надобно было дураку ехать в лес через город, то и поехал он по оному городу; но как не знал, что надобно кричать для того, чтобы не передавить народу, то он ехал

и не кричал, чтоб посторонились, и передал много народу, и хотя за ним гнались, однако догнать его не могли.

Емеля уехал из города, а приехав к лесу, остановился и вылез из своих саней и говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-тка, топор, руби-ка дрова, а вы, поленья, сами кладитесь в сани и вяжитесь!»

Лишь только сказал дурак эти слова, топор начал рубить дрова, а поленья сами клались в сани и веревкой вязались. После того как нарубил он дров, велел еще топоры вырубать одну дубинку. Как топор вырубил, то он сел на воз и говорил: «Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью поезжайте, сани, домой сами».

Тотчас и поехали они весьма шибко, и как подъехал он к тому городу, в котором он уже передал много народу, там уже дожидались его, чтоб поймать; и как въехал в город, то его поймали и стали тащить с возу долой; притом начали его бить.

Емеля, видя, что его тащат и бьют, потихоньку сказал эти слова: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-ка, дубинка, отломай-ка им руки и ноги!» В тот час выскочила дубинка и начала всех бить. И как народ бросился бежать, дурак поехал из города домой, а дубинка когда всех перебила, то покатилась вслед за ним же. И как приехал Емеля домой, то и влез на печь.

После того, как он уехал из города, стали поговаривать об нем везде – не столько о том, что он передал много народу, сколько удивлялись тому, что он ехал в санях без лошади.

Мало-помалу речи эти дошли до самого царя. Как царь услышал, то чрезвычайно захотел его видеть и для того послал одного офицера и дал ему несколько солдат, чтоб его сыскать. Посланный от короля офицер поехал немедленно из города и напал на ту дорогу, по которой ездил дурак в лес. И как приехал офицер в ту деревню, где жил Емеля, то призвал к себе старосту и сказал ему:

«Я прислан от царя за вашим дураком, чтоб взять его и привезти к царю».

Староста тотчас показал тот двор, где жил Емеля, и офицер вошел в избу и спрашивал: «Где дурак?», а он, лежа на печи, отвечал: «На что тебе?» – «Как на что? Одевайся скорей; я повезу тебя к царю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.